

DOI 10.69571/SSPU.2024.92.5.003

УДК 316.334.2:001.89

ББК 60.54-425в64

А.С. ВАТОРОПИН,
Н.Г. ЧЕВТАЕВА,
С.А. ВАТОРОПИН**ГОТОВНОСТЬ ГРАЖДАН К УЧАСТИЮ
В КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЯХ
БЫТОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СВЕТЕ
ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ Э. ГИДДЕНСА**A.S. VATOROPIN,
N.G. CHEVTAEVA,
S.A. VATOROPIN**READINESS OF CITIZENS TO PARTICIPATE
IN CORRUPTION ACTIONS OF EVERYDAY
ORDER IN LIGHT OF THE THEORY
OF STRUCTURING BY E. GIDDENS**

В статье исследуется одна из детерминант бытовой коррупции в современном российском обществе — осознанная готовность граждан к участию в коррупционных действиях. Проанализированы основные теоретические подходы, традиционно используемые при рассмотрении этой проблемы в отечественной и зарубежной научной литературе. С учетом неоднозначных результатов борьбы с бытовой коррупцией в современном обществе в статье поставлена цель применить для исследования указанной детерминанты данного негативного феномена еще один подход, в основе которого лежит теория структуризации известного английского социолога Э. Гидденса. Для анализа полученных авторами результатов эмпирического социологического исследования бытовой коррупции в Свердловской области апробирована стратификационная модель агента, разработанная Э. Гидденсом. Сделан вывод о возможности изменения в положительную сторону одного из компонентов сознания рядовых граждан, потенциально готовых участвовать в коррупционных действиях, — *теоретического сознания*, что может помочь в формировании антикоррупционных установок у населения.

The article examines one of the determinants of everyday corruption in modern Russian society — the conscious readiness of citizens to participate in corrupt practices. The main theoretical approaches traditionally used in considering this problem in domestic and foreign scientific literature are analyzed. Taking into account the ambiguous results of the fight against everyday corruption in modern society, the article aims to apply another approach to the study of this determinant of this negative phenomenon, which is based on the theory of structuring by the famous English sociologist E. Giddens. To analyze the results of the empirical sociological study of everyday corruption in the Sverdlovsk region obtained by the authors, the stratification model of the agent developed by E. Giddens was tested. A conclusion is made about the possibility of changing for the positive one of the components of the consciousness of ordinary citizens potentially ready to participate in corrupt practices — *theoretical consciousness*, which can help in the formation of anti-corruption attitudes among the population.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бытовая коррупция, коррупционные и антикоррупционные нормы, готовность граждан к коррупционным действиям, стратификационная модель агента, теоретическое и практическое сознание, изменение сознания.

KEY WORDS: everyday corruption, corruption and anti-corruption norms, citizens' readiness for corrupt actions, stratification model of the agent, theoretical and practical consciousness, change of consciousness.

ВВЕДЕНИЕ. Коррупция является довольно распространенным явлением в современном обществе. Поэтому вполне естественным выглядит интерес к этому явлению со стороны

представителей разных наук, в том числе социологии [7]. Изучается распространение коррупции в разных странах мира, составляются релевантные рейтинги стран [9], исследуются различные виды коррупции, причины, ее порождающие, предлагаются методы борьбы с этим негативным феноменом.

Особый интерес представляет т.н. бытовая коррупция. Стоит отметить, что хотя проведено много исследований последней, до сих пор не существует ее однозначного определения. Российские исследователи обычно выделяют отдельные признаки бытовой коррупции, делая при этом разные акценты (см., например, [4]). В определенной степени это обусловлено тем, что в российском законодательстве не существует четкого определения данного феномена, да и сам термин практически не определяется (мы обнаружили упоминание бытовой коррупции лишь в двух нормативных документах [5; 6]).

Очевидно, что это создает определенные сложности для исследователей.

Мы попытались обобщить основные признаки бытовой коррупции, предложенные в различных исследованиях, посвященных данному явлению, и предложить следующее *рабочую* его дефиницию, которая позволила бы ограничить интересующее нас исследовательское поле: *бытовая коррупция — это вид коррупции, который имеет повседневный характер и связан с решением бытовых проблем обычных граждан.*

В научных исследованиях бытовой коррупции много внимания уделяется причинам, ее порождающим. Выделяются объективные и субъективные причины. В числе последних отмечается готовность населения давать взятки должностным лицам и служащим. На наш взгляд, эта проблема заслуживает отдельного внимания и специального исследования, которое бы опиралось на нетрадиционные подходы. В данной статье как раз и сделана попытка такого рода исследования.

ЦЕЛЬ статьи — исследование готовности граждан участвовать в коррупционных действиях бытовой направленности с использованием в качестве научного подхода теории структуризации Э. Гидденса. В статье будут использованы результаты проведенного авторами осенью 2023 года эмпирического социологического исследования по бытовой коррупции в Свердловской области.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В результате проведенного нами эмпирического исследования была отчетливо выявлена проблема, связанная с готовностью обычных граждан давать взятки должностным лицам или служащим. Строго говоря, проблема эта не новая: о ней много и довольно давно пишут разные исследователи, как зарубежные, так и отечественные. Так, например, С. Таннер, С. Линдер, М. Зон, ссылаясь на некоторые социологические исследования, утверждают, что люди с большей вероятностью будут вовлечены в коррупцию, когда они считают, что коррупция оправдана [12]. По мнению этих авторов, большое значение для коррупционного или антикоррупционного поведения обычных граждан имеет такой фактор, как их стремление следовать или не следовать моральным нормам, осуждающим коррупцию. Они утверждают, что чем выше уровень «честности-смирения», тем меньше люди предлагают или принимают взятки [12]. К аналогичным результатам пришли М. Фишар, М. Кубак, Дж. Шпалек, Дж. Тремеван. При этом эти авторы на основании проведенной ими игры-эксперимента сделали вывод, что существуют определенные гендерные различия в коррупционном поведении людей: женщины меньше склонны к такому поведению, чем мужчины [10]. Исследователи Н.К. Кёбис, Дж.В. Ван Пройен, Ф. Ригетти, П.А. Ван Ланге изучали влияние «описательных социальных норм», под которыми они понимали «веру в распространенность коррупции в определенном контексте» (коррупционном или антикоррупционном), на коррупционное поведение граждан. Они выявили, что эти нормы в значительной степени влияют на подобные действия людей, причем если антикоррупционные социальные нормы довести до сознания человека, то он становится менее восприимчив к коррупционному поведению [11].

Обобщая взгляды указанных авторов, можно сделать вывод о том, что они рассматривают бытовую коррупцию в целом и готовность граждан давать взятки в частности как нарушение

социальных норм, прежде всего моральных. Очевидно, что здесь акцент делается на *институциональном* подходе, значимости для граждан указанных норм.

Российские исследователи также обращают внимание на проблему готовности обычных граждан давать взятки, сознательно участвовать в коррупционных действиях. Так, И. Киселев и С. Зуева, опираясь на результаты проведенного ими эмпирического исследования, отмечают, что заметная часть респондентов (почти каждый шестой) допускают и даже оправдывают коррупционное поведение взяточдателей. Объясняют они это, опираясь на функционалистский подход: коррупция выполняет определенные функции в обществе, позволяет «эффективно» решать личные проблемы, приспосабливаться к существующей коррупциогенной реальности [3]. Подобные взгляды высказывает и Ю. Трунцевский. При этом он подчеркивает: «В сознании граждан бытовая коррупция (подарок лечащему врачу, преподавателю в учебном заведении и т.п.) представляется нормой поведения в обществе, элементом жизни человека, необходимостью и неотъемлемой частью общества [4]. В данном случае Ю. Трунцевский не ограничивается функционалистским подходом в своем объяснении бытовой коррупции, а использует и институциональный подход, апеллируя при этом к исследованиям, прежде всего, западных ученых [4]. Другие российские исследователи бытовой коррупции также в основном придерживаются этих подходов [8].

В целом мы разделяем данные подходы к изучению бытовой коррупции и объяснению готовности граждан к участию в коррупционных действиях. Однако, на наш взгляд, имеет смысл попытаться подойти к анализу рассматриваемой нами проблемы более глубоко, сделав акцент на анализе детерминант сознания взяточдателей. Причем мы попытаемся это сделать, не выходя за рамки социологической науки. Для этого мы используем методологию известного английского социолога Э. Гидденса. Другими словами, речь пойдет об апробации его концепции структуризации как объяснительной модели сознательных установок рядовых участников бытовых коррупционных действий (взяточдателей).

В качестве эмпирической базы данного анализа будут использованы материалы проведенного нами эмпирического исследования бытовой коррупции в Свердловской области (исследование проводилось по заказу Департамента по противодействию коррупции Свердловской области с 1 сентября по 20 декабря 2023 года).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Для реализации поставленной нами цели необходимо обратиться к т.н. *стратификационной модели агента*, которую предложил Э. Гидденс. Начнем с того, что это, по сути, модель *сознания* действующего агента. В нашем случае речь будет идти об основной детерминанте коррупционного поведения рядовых граждан.

Указанная модель, как известно, включает три структурных компонента [2, с. 501].

Практическое сознание — это «то, что авторы знают (или во что верят) о социальных условиях, включая, в особенности, условия их собственной деятельности, но не могут это выразить в дискурсивной форме...» [2, с. 500].

Дискурсивное сознание — это «то, что акторы способны сказать о социальных условиях или дать этому вербальное выражение — в особенности, об условиях своих собственных действий...» [2, с. 498].

Бессознательное — это скрытые, неосознаваемые мотивы действий агента. «Мотивы имеют прямое отношение к действию только в относительно необычных или нестандартных условиях, в ситуациях, которые некоторым образом нарушают привычный (рутинный) ход событий [2, с. 45].

Очевидно, все три компонента (детерминанты действия) синкретически объединены и четко выделяются только в результате теоретического анализа.

Стратификационная модель агента может быть описана следующим образом. Ключевым в ней является практическое сознание [2, с. 45], по сути, обеспечивающее преобладающий рутинный характер действия. При необходимости агент «подключает» дискурсивное сознание

(вербально объясняет свои действия). При этом надо подчеркнуть два момента: во-первых, дискурсивное сознание может быть антиномичным, во-вторых, агент не всегда может его использовать, даже если захочет (т.е. не всегда способен объяснить свои действия). Впрочем, отметим, что в любом случае он применяет *рефлексивный мониторинг действия* (это понятие относится уже к стратификационной модели действия, используемой в нашем анализе лишь частично — когда речь идет не о *сознании*, а о *действии* [2, с. 500]), который, собственно, и позволяет говорить об осознанности его поведения. Бессознательное же проявляет себя при нарушении рутинного хода событий; в этом случае агент в принципе не может объяснить (по сути, не осознает) свое поведение. Впрочем, представляется, что внешне его действия могут выглядеть довольно рациональными.

Теперь, описав в общих чертах данную модель, попытаемся ее апробировать применительно к вышеупомянутой проблеме, связанной с готовностью обычных граждан давать взятки. В ходе нашего исследования мы выявили, что лишь небольшая часть респондентов (жителей Свердловской области) заявила, что в течение года попадала в коррупционную ситуацию (7,0% от числа опрошенных, или 42 человека из 600); отметим, что абсолютно точно в этом был уверен только каждый пятый из них (8 человек). Этой группе респондентов были заданы дополнительные вопросы, касающиеся их возможного поведения в условиях коррупционной ситуации. Их ответы оказались довольно противоречивы. Так, при ответе на вопрос, по какой причине респонденты точно отказались бы давать взятку, были получены ответы: «Мне противно это делать» (14 человек) и «Я принципиально не даю взятку, даже если все это делают» (9 человек). При этом на проверочный вопрос, по какой причине респонденты точно бы дали взятку, выяснилось, что некоторые из указанных двух подгрупп ответивших все же готовы дать взятку при определенных условиях, причем необязательно вынужденно. То есть в данном случае можно зафиксировать определенную антиномичность сознания обычных граждан, вовлеченных в коррупционную ситуацию.

Мы попытаемся проинтерпретировать полученные результаты в соответствии с методологией Э. Гидденса.

Начнем с того, что здесь возможны два варианта: коррупционная ситуация для рядового гражданина ожидаема (т.е. в определенной степени может рассматриваться как рутинная) либо является неожиданной. В первом случае у него «включается» *практическое сознание*, и он рационально (*«рефлексивный мониторинг действия»*) выбирает одно из возможных действий — давать или не давать взятку. Подчеркнем, что рационально не означает, что действие продуманно и четко объяснено самому себе; скорее речь идет о некоем заложенном когда-то в прошлом в сознание (под влиянием СМИ, родственников, знакомых и т.д.) алгоритме действия. Представляется, что этот алгоритм имеет достаточно устойчивый характер, и его сложно изменить в условиях повседневной деятельности.

Впоследствии человек может «использовать» *теоретическое сознание* и попытаться *вербально* объяснить себе и другим свое поведение в коррупционной ситуации, причем это объяснение совсем не обязательно будет коррелировать с его релевантным *практическим сознанием*. В нашем исследовании мы имели дело именно с таким *теоретическим сознанием* респондентов, обусловленным необходимостью отвечать на вопросы анкеты. Отсюда напрашивается вывод, что мы как социологи не можем в полной мере утверждать, что нам удалось «проникнуть» в сознание потенциальных взяткодателей, и теперь мы можем предложить какие-то однозначно эффективные способы формирования их антикоррупционного сознания и, соответственно, поведения.

Во втором случае, когда коррупционная ситуация для рядового гражданина является неожиданной, на первый план выходят бессознательные мотивы агента. В результате может иметь место любой вариант его действия, который невозможно предсказать заранее ни ему самому, ни тем более кому-то другому. Это, на наш взгляд, несколько отличает коррупционную ситуацию *неожиданную* от подобной ситуации *«рутинной»*, когда задействовано

практическое сознание агента: в последнем случае исследователь может *предугадать* с определенной степенью вероятности действие этого агента, если он имел до этого достаточно длительный опыт общения с ним.

Но, так или иначе, для нас здесь важно подчеркнуть, что в обоих рассмотренных случаях очень сложно разработать действенные способы противодействия бытовой коррупции в аспекте готовности простых граждан давать взятку должностным лицам / служащим, так как невозможно однозначно проинтерпретировать приоритетные субъективные детерминанты их действий (*практическое сознание* и *бессознательные мотивы*). Однако, результаты нашего конкретного социологического исследования все же позволяют нам предложить не совсем очевидную, но, возможно, все-таки обоснованную рекомендацию, способную, по нашему мнению, повлиять на сознание потенциальных взяткодателей.

Речь идет о *теоретическом сознании* агента. Строго говоря, этот аспект сознания не является *непосредственной* детерминантой поведения агента в коррупционной ситуации, а лишь используется им для объяснения своих действий себе и другим. В то же время, на наш взгляд, очевидно, что существует обратная связь между ним и двумя другими аспектами — *практическим сознанием* и *бессознательными мотивами*. Вряд ли возможно четко описать механизм такой обратной связи, однако ее результатом, в принципе, может быть определенное изменение указанных аспектов (непосредственных детерминант) стратификационной модели агента, что в конечном итоге повлияет и на его поведение. Другими словами, можно и нужно попытаться воздействовать именно на *теоретическое сознание* простых граждан с целью убедить их осознанно (в данном случае — вербально) отказаться от противоправных коррупционных действий.

Можно возразить, что подобная работа и сейчас ведется и даже дает некоторые результаты. Так, в нашем исследовании большинство респондентов, столкнувшихся с реальной коррупционной ситуацией, сознательно (в своих ответах) отказываются давать взятки. Однако, при ответах на другие вопросы выясняется, что многие из них при определенных условиях («нужен 100-процентный результат», «без взятки не обойтись» и др.) все же готовы к коррупционным действиям. Поэтому из этого противоречия напрашивается вывод, что обычно применяемое в настоящее время воздействие на *теоретическое сознание* простых граждан (воспитательная работа через СМИ, ужесточение законодательства, публичное разоблачение и наказание взяточников и взяткодателей и т.п.) не является достаточно эффективным. То есть *теоретическое сознание* с точки зрения антикоррупционного воздействия вроде бы «позитивно», а *практическое* — «негативно» (как и *бессознательные мотивы*, но о них мы далее говорить не будем ввиду сложности социологического анализа подобного явления).

Мы полагаем, что можно попытаться преодолеть этот разрыв между двумя указанными компонентами сознания, если откорректировать характер общественного воздействия на *теоретическое сознание* агента (а через него, соответственно, изменить и *практическое сознание*).

Практическое сознание, как уже говорилось, связано с рутинной, повседневной деятельностью. При этом ранее мы уже отмечали, что многие исследователи коррупции в современной России как раз подчеркивают, что значительная часть населения убеждена в том, что коррупционные действия — это, по сути, обычное (в некотором смысле, почти рутинное) явление. Фактически ежедневно освещаемые в прессе и социальных сетях громкие коррупционные преступления только утверждают в сознании граждан такого рода мнение. Судя по всему, такое общественное воздействие на *теоретическое сознание* гражданина далеко не всегда изменяет в нужную сторону его *практическое сознание*, и даже в какой-то степени, как это ни парадоксально звучит, достигает обратного результата.

В этой связи можно предложить следующее: попытаться убедить граждан если не в полном отсутствии *рутинного* характера бытовой коррупции, то, по крайней мере, в преувеличенной массовости этого феномена и его рутинности. И для этого есть объективные основания. На-

пример, в нашем исследовании было выявлено, что 40% респондентов убеждены в высоком уровне коррупции в России. При этом, как уже отмечалось, за год (2023) в коррупционную ситуацию попадали всего около 7% опрошенных, и только каждый пятый из них действительно был в этом убежден. Напрашивается очевидный вывод: бытовая коррупция в таких регионах, как, например, Свердловская область, не настолько распространенное, рутинное явление, как это представляется обычному рядовому гражданину (его *теоретическому сознанию*). Другими словами, *бытовая коррупция — это не социальная норма*. Следовательно, есть возможность попытаться воздействовать (государственным и общественным структурам) на стратификационную модель агента для изменения ее структурных компонентов, прежде всего, *теоретического сознания* и — через обратную связь — *практического*, с целью формирования хотя бы относительно устойчивого антикоррупционного поведения рядового гражданина.

Итак, по нашему мнению, сознание следует менять, опираясь на создание у агента *положительного* представления о коррупционной ситуации в регионе, стране в целом и на примеры сознательного антикоррупционного поведения конкретных людей. Впрочем, это не означает, что нужно отказаться от непримиримой «силовой» борьбы с коррупцией, жесткого наказания преступников за коррупционные действия и доведения результатов этой борьбы до населения. Очевидно, что именно такая борьба позволяет обесценить «выгоды» от коррупционного действия обычного гражданина. Но, в конечном итоге, речь все же должна идти о *балансе* методов борьбы с бытовой коррупцией: не только «силовом» противоборстве, но и соответствующем «позитивном» переформатировании *теоретического сознания* рядовых граждан.

ВЫВОДЫ.

1. Проблема готовности рядовых граждан участвовать в коррупционных действиях представляет интерес как для отечественных, так и зарубежных исследователей. Для объяснения данного феномена используют разные подходы, прежде всего, институциональный (рассматривается значение для обычных граждан социальных норм, связанных с бытовой коррупцией) и функционалистский (акцент делается на выгодах, которые граждане получают от участия в коррупционных сделках). Валидность данных подходов очевидна, однако проблема бытовой коррупции не становится менее актуальной практически в любом современном обществе, в том числе российском. Поэтому вполне обоснованной является попытка проанализировать эту проблему, дополняя эти подходы другими теоретическими подходами. На взгляд авторов, в этом контексте может представлять интерес теория структуризации Э. Гидденса.
2. Одним из ключевых положений концепции Э. Гидденса является структурная модель агента, описывающая структурные компоненты сознания действующего агента. Ее апробация для анализа сознания участников коррупционных действий позволяет относительно по-новому взглянуть на предмет данного исследования.
3. Авторы пришли к выводу, что в структурной модели агента — рядового гражданина, участвующего в коррупционном действии, — существует один компонент, который заслуживает особого внимания как объект возможного воздействия со стороны общества и государства. Это «*теоретическое сознание*». Воздействуя на него, можно постараться изменить общее отношение гражданина к социальным нормам, связанным с бытовой коррупцией (речь идет об отрицательных нормах, провоцирующих коррупционные действия).
4. Проведенное авторами исследование бытовой коррупции в Свердловской области (2023 г.) позволило выявить возможное направление воздействия на *теоретическое сознание* людей. Суть этого воздействия — разрушение представлений последних о рутинном характере бытовой коррупции, ее «нормальности» и формирование у них *положительных* (с точки зрения антикоррупционного поведения) нормативных уста-

новок и соответствующего *практического сознания* (в конечном итоге). Полученные авторами результаты опроса эмпирически подтверждают возможность подобных изменений с учетом того, что уровень бытовой коррупции в Свердловской области значительно ниже, чем тот, который недостаточно обоснованно утвердился в общественном мнении россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агишев Р.Р., Манаева И.В. Коррупционная инициатива как предмет социологического анализа // *Власть*. 2023. Т. 31, № 2. С. 181–187.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2018. 528 с.
3. Киселев И.Ю., Зуева С.В. Восприятие россиянами коррупции как социальной проблемы // *Власть*. 2018. № 8. С. 169–182.
4. Трунцевский Ю.В. Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение // *Журнал российского права*. 2018. № 1. С. 157–168.
5. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы».
6. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы».
7. Чевтаева Н.Г., Ваторопин А.С., Гушин О.В., Ваторопин С.А. Риски «социальной легитимности» коррупции в условиях санкций: оценка настроений регионального делового сообщества // *Регионология*. 2024. Т. 32, № 3 (128). С. 543–562.
8. Чирун С.Н., Гладких С.С. Исследования коррупции в отечественных социальных науках: политический аспект // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 2. С. 183–197.
9. Corruption perceptions index 2023. URL: https://transparency.org.au/wp-content/uploads/2024/01/Report_CPI2023_English.pdf (дата обращения: 01.11.24).
10. Fisar M., Kubak M., Spalek J., Tremewan J. Gender differences in beliefs and actions in a framed corruption experiment // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2016. Vol. 63. Pp. 69–82.
11. Kobis N., Van Prooijen J., Righetti F., Van Lange P. “Who doesn’t?” — The impact of descriptive norms on corruption // *PLoS one*. 2015. Vol. 10 (6). URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.30ae4f76-671d1184-2bd60da5-74722d776562/https/pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26121127/ (дата обращения: 01.11.24).
12. Tanner C., Linder S., Sohn M. Does moral commitment predict resistance to corruption? Experimental evidence from a bribery game // *PLoS one*. 2022. Vol. 17 (1). URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0262201> (дата обращения: 01.11.24).

REFERENCES

1. Agishev R.R., Manaeva I.V. *Korruptsionnaya initsiativa kak predmet sociologicheskogo analiza* [Corruption initiative as a subject of sociological analysis] // *Vlast'*. 2023. T. 31. № 2. S. 181–187. (In Russian).
2. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii* [Structure of society: An essay on the theory of structuration]. M.: Akademicheskij projekt, 2018. 528 s. (In Russian).
3. Kiselev I. YU., Zueva S. V. *Vospriyatie rossiyanami korrupcii kak social'noj problemy* [Perception of corruption as a social problem by Russians] // *Vlast'*. 2018. № 8. S. 169–182. (In Russian).
4. Truncevskij YU. V. *Bytovaya (povsednevnyaya) korrupciya: ponyatie i social'noe znachenie* [Everyday (everyday) corruption: concept and social significance] // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. № 1. S. 157–168. (In Russian).
5. *Ukaz Prezidenta RF ot 13 aprelya 2010 g. № 460 «O Nacional'noj strategii protivodejstviya korrupcii i Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2010–2011 gody»* [Decree of the President of the Russian Federation of April 13, 2010 No. 460 “On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010–2011”]. (In Russian).

6. Ukaz Prezidenta RF ot 1 aprelya 2016 g. № 147 «O Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2016–2017 gody» [Decree of the President of the Russian Federation of April 1, 2016 No. 147 "On the National Anti-Corruption Plan for 2016–2017"]. (In Russian).
7. CHEvtayeva N. G., Vatoropin A. S., Gushchin O. V., Vatoropin S. A. *Riski «social'noj legitimnosti» korrupcii v usloviyah sankcij: ozenka nastroyenij regional'nogo delovogo soobshchestva* [Risks of "social legitimacy" of corruption in the context of sanctions: assessment of the mood of the regional business community] // *Regionologiya*. 2024. T. 32, № 3 (128). S. 543–562. (In Russian)
8. CHirun S. N., Gladkih S. S. *Issledovaniya korrupcii v otechestvennyh social'nyh naukah: politicheskij aspekt* [Studies of corruption in domestic social sciences: political aspect] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*. 2024. T. 9. № 2. S. 183–197. (In Russian).
9. Corruption perceptions index 2023. URL: https://transparency.org.au/wp-content/uploads/2024/01/Report_CPI2023_English.pdf (data obrashheniya: 01.11.24). (In English).
10. Fisar M., Kubak M., Spalek J., Tremewan J. *Gender differences in beliefs and actions in a framed corruption experiment* // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2016. Vol. 63. Pp. 69–82. (In English).
11. Kobis N., Van Prooijen J., Righetti F., Van Lange P. "Who doesn't?" — *The impact of descriptive norms on corruption* // *PLoS one*. 2015. Vol. 10 (6). URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.30ae4f76-671d1184-2bd60da5-74722d776562/https/pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/26121127/ (data obrashheniya: 01.11.24). (In English).
12. Tanner C., Linder S., Sohn M. *Does moral commitment predict resistance to corruption? Experimental evidence from a bribery game* // *PLoS one*. 2022. Vol. 17 (1). URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0262201> (data obrashheniya: 01.11.24). (In English).